

Тот протянул руку и легким касанием провел по его лбу:

— Правда. Ты такой хороший, о чем только думали небеса, как им не жалко заставлять тебя так страдать?

За эти дни Цзи Кай уже не раз ловил себя на мысли, что Ли Вэйду на самом деле очень надежный человек.

И невероятно, невероятно заботливый.

В больнице занимались лишь серьезными ранами, угрожавшими жизни, а мелкие порезы на лице и сбитые губы, как он слышал, Ли Вэйду сам шаг за шагом обрабатывал ватной палочкой.

Многие события после аварии казались теперь туманными.

Цзи Кай помнил лишь, как лежал на земле, абсолютно не в силах шевельнуться, а сверху капал мелкий дождь, выбивая дробь по телу — ощущение было кошмарное.

В ушах шумело, и сквозь гул пробивался отчаянный, со слезами в голосе, крик Ци Яна:

— Вэйду, кровь вообще не останавливается, что делать?!

— Дави сильнее и успокойся, не ори!

— У-у... у-у-у... Но чертова трасса наглухо забита! Пока скорая доберется, сколько времени пройдет? Брат Кай к тому моменту уже концы отдаст, у-у-у...

Было невозможно понять, реальность это или кошмарный сон. Ледяной дождь падал сверху, обжигающая кровь вытекала из тела. В груди царила пустота, и было так невыносимо холодно.

— Ци Ян, серьезно, заткнись и работай! Я только что вызвал санавиацию, они будут максимум через тридцать минут. Все будет хорошо.

Руки Ли Вэйду — насколько помнил Цзи Кай — впервые казались такими теплыми.

Он наклонился, не смея ни обнять его, ни сдвинуть с места израненное тело, и лишь крепко сжал его ладонь.

Кончики его волос коснулись уха, и он произнес тихо, но твердо:

— Не бойся. Я обязательно спасу тебя, поверь мне.

Цзи Кай в полузабытьи подумал только, что директор Ли невероятно хорош. Потрясающе хладнокровен и невероятно хорош.

И еще... такой добрый, теплый и надежный, совсем как ангел.

Лишь долгое время спустя он узнал, как больно и тяжело было Ли Вэйду смотреть на него — залитого кровью с ног до головы, с руками, исколотыми стеклянной крошкой и перемазанными в грязи, но все еще глупо улыбающегося.

Вскоре, когда в затянутом кровавой дымкой небе появился вертолет и начал заходить на посадку, Цзи Кай вздрогнул и с тоской подумал, не приходит ли ему конец.

Уже галлюцинации начались. Неужели это предсмертный всплеск?

Черт возьми, я ведь еще не хочу умирать!

В ком... в компьютере обещанные профессору Вану материалы собраны, но не отправлены; пароль от банковской карты никому не передан; завещание не составлено — хотя имущество должно достаться сыну сяо Яню, вряд ли кто-то станет оспаривать; а еще в телефоне...

Телефон.

Ха, графический ключ на телефоне до сих пор в виде буквы «L» — первой буквы имени Чжу Лина.

Если телефон после смерти достанется Чжу Лину, всей славной репутации придет конец. Тот еще и ржать будет, мол, до самой смерти так его и не забыл.

Нельзя умирать.

Если я вот так сдохну, во что превратится вся моя жизнь?

Правда ведь, Чжу Лин? Если я так просто сдохну, чем была вся моя жизнь?

Не разведись мы, тебе пришлось бы еще и могилу мне покупать, ха-ха-ха.

Не разведись мы, останься я без руки или без ноги, ты был бы обязан заботиться обо мне остаток моих дней.

Чжу Лин.

Серьезно. Если я сдохну, я и призраком от тебя не отстану.

...

Бедность ограничивает человеческое воображение.

В представлении Цзи Кая, каким бы богачом ни был человек, он не мог бы вот так запросто вызвать вертолет — чего он не знал, так это того, что эта штука являлась летающим аналогом скорой помощи. Стоимость спасательных работ составляла семьдесят тысяч в час — плати деньги, и вызвать мог любой желающий.

После приказа на вылет команда собиралась и поднималась в воздух за две минуты, идеально решая проблему пробок и нехватки времени. В пределах всего города S, включая прилегающие уезды, борт прибывал за двадцать минут; для посадки требовалась площадка всего в полтора раза превышающая размер фюзеляжа, а в критических ситуациях он мог зависать в воздухе и забирать раненых.

Полное название — «Альянс аэромобильной скорой помощи», сокращенно «санавиация». Для людей уровня Ли Вэйду существование этой службы было естественной нормой, но Цзи Кай до этого момента правда никогда не слышал, что так вообще можно.

И вот, пока он с тоской думал: «Я правда еще не хочу умирать», его так быстро и эффективно спасли.

Судьба смилостивилась и вернула ему жизнь, отчего настрой словно пережил перерождение:

небо казалось безупречно синим, а мир — прекрасным. Цзи Кай первым делом поспешил сменить пароль на телефоне. Чуть не сдох, а перед смертью думал о Чжу Лине?!

Что за бред, совсем того не стоит!

В первые дни после пробуждения ему не разрешали ничего есть.

Он лежал под капельницей с питательным раствором, каждый день принимал бесконечные визиты товарищей и смотрел на подоконник, заставленный корзинами с фруктами, сходя с ума от голода.

Спустя пару дней дошло до того, что у него загорались глаза и безудержно текли слюнки при одной мысли о любой еде. Его дневной распорядок сводился к:

— Ци Ян, Ци Ян, дай я хотя бы через упаковку понюхаю! Не уходи, не уходи! Дай хотя бы посмотреть!

А по ночам становилось еще тоскливее.

Перед смертью перед глазами не проносилась жизнь. Зато теперь, лежа в темноте, он наблюдал бесконечную карусель проплывающих блюд.

Чем больше он думал, тем обиднее становилось. Всегда обладавший образом сурового железного мужика, в те дни от голода, жуткого аппетита и боли он не мог заснуть по ночам и часто прятался под одеялом, в полном отчаянии роняя слезы.

Тогда Ли Вэйду брал его за руку и пел ему.

Директор Ли... пел мимо нот, причем фальшивил так, будто уходил на край света.

Послушав немного, Цзи Кай начисто терял аппетит — отличный способ справиться с голодом.

Кое-как продержавшись неделю, он наконец получил разрешение есть, но с кучей ограничений. К счастью, шеф-повар Ли обладал превосходным мастерством: даже простую рисовую кашу он готовил безумно вкусно. Цзи Кай мог в одиночку съесть целую кастрюлю и вылизать пиалу до блеска.

А когда разрешили питаться без ограничений, больничная жизнь внезапно наполнилась предвкушением каждого нового дня.

Вкусная еда приносит счастье, а кулинарные навыки директора Ли просто потрясающие.

Когда же его навестила мама Ли Вэйду, тетушка Бай, разнообразие блюд возросло во много раз, а ощущение счастья зашкаливало каждый день.

Можно было снимать документальный фильм под названием «Палата на кончике языка».

Ли Вэйду и раньше казалось, что круг близких друзей Цзи Кая довольно надежный.

И на деле они оказались отличными ребятами. За дни госпитализации врач-торакальный хирург Ли Минсинь приложил немало сил, хлопоча и помогая. Каждую рентгенограмму, каждый результат анализов — изучив их сам, он затем бегал по всем отделениям и консультировался с разными специалистами, пока не убеждался, что все в порядке.

А его возлюбленный-художник взял на себя всю ответственность за уход за ребенком.

Остальные участники «Восточно-Китайской банды Хунсин», едва состояние Цзи Кая стабилизировалось, приходили проводить его нескончаемым потоком.

Приносили фрукты, наносили визит вежливости, а уходить никогда не торопились. Совершенно беззаботно засиживались и болтали о всякой всячине.

Каждый из них обладал невероятным талантом со всеми сходитьсь, так что уже в первые дни они взахлеб болтали и подружились с Ци Яном. А теперь в эпицентр их ураганных сплетен попала даже мама Ли Вэйду, тетушка Бай.

Раньше она приходила каждый день со слезами на глазах, рассматривала и трогала Цзи Кая, вздыхая: «Тебе нужно скорее поправляться». Теперь же, приходя, она со спокойным лицом здоровалась с Цзи Каем и тут же с восторженно горящими глазами поворачивалась к компании его друзей.

Ли Вэйду часто видел, как на скамейке у дверей палаты сменяющие друг друга друзья оживленно жестикулировали и без остановки болтали, а она, верный слушатель, сидела в зрительном зале и хохотала до упаду.

— Тетушка, вы даже не представляете! Спокойствие и пофигизм нашего брата Кая — это вещь поистине эпическая!

— Помню, как-то ехали мы на автобусе — я, брат Кай и Цзо Янь. Брат Кай зашел первым, залез не в тот карман и вместо купюры в один юань запихнул сотню!

Ин Цзянь до сих пор помнил, как вытаращился тогда водитель и с каким злорадным лицом произнес вытянутое «а-а-а~», когда сообразил, что произошло.

— Но вы подумайте, тетушка, что за человек наш брат Кай? Разве мог он в такой ситуации уступить в крутости?!

— Разумеется, нужно было держать фасон! Брат Кай держался спокоен как танк! Вообще не подал виду, что ему жалко денег, словно сотня юаней для него — так, мелочь!

А шедшие следом они с Цзо Янем, хотя тоже на пару секунд опешили, быстро сориентировались и сразу стали подыгрывать ему с двух сторон.

Ин Цзянь:

— Молодой господин, господин! Вы довольны?

Цзо Янь:

— Молодой господин, сегодня вы впервые в жизни покинули нашу усадьбу. Только что на остановке вы обменяли освященную семейную реликвию из ценнейшего нанму на эти сто юаней, настойчиво требуя опробовать транспорт простолюдинов. Теперь, когда вы его испробовали, скажите, каковы ваши впечатления?